

Д.Я. Майдачевский

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА: В.С. ВОЙТИНСКИЙ, Иркутск, 1915–1917 гг.

Редкое учебное издание по истории экономической мысли, увидевшее свет после 1990 г., не содержит упоминания имени Владимира Савельевича Войтинского (1885 — 1960). Чаще всего в разделах, посвященных «маржинализму» или «математической школе» в России, в связи с чем, называется работа «Рынок и цены. Теория потребления, рынка и рыночных цен», написанная девятнадцатилетним Войтинским–гимназистом и увидевшая свет в 1906 г. с предисловием (и при содействии) М.И. Туган-Барановского. Последующий же пятнадцатилетний период его жизни, предшествовавший эмиграции, характеризуется, как правило, образным выражением «ушел в революцию», призванным указать на отход от научных занятий и погружение в водоворот революционной борьбы¹.

Солидарны с данной точкой зрения авторы публикаций, специально посвященных истории экономической мысли русской эмиграции, видным представителем которой суждено было стать В.С. Войтинскому. Последние также акцентируют внимание исключительно на его общественно-политической активности в эти годы и относят возобновление занятий наукой к первым годам жизни за пределами отечества².

Напрасно будем искать мы свидетельства его занятий на ниве экономической науки и на страницах работ, освещающих вклад ссыльных революционеров в научное изучение Сибири. «Лидеру и идеологу меньшевизма», «примиренцу и ренегату», «белоэмигранту» Войтинскому долгое время было отказано в праве находиться в одном ряду с «пролетарскими» революционерами–большевиками, чьи экономические публикации в местной печати, ведомственных изданиях, сборниках общественных организаций скрупулезно выявлялись и учитывались историко-партийной наукой³. И это несмотря на то, что практически семь

лет (с 1910 г.) провел он в Иркутской губернии, сначала в качестве узника Александровского каторжного центра, а затем (с конца 1912 г.) — на поселении в селе Жилкино и в Иркутске.

Справочные и научные издания значительно чаще упоминают о Войтинском — журналисте, публицисте и даже писателе, чьи беллетризованные очерки и рассказы, основанные на личных впечатлениях от пережитого им в годы первой русской революции, в тюрьмах и на поселении, именно с 1910 г. начинают появляться на страницах «Вестника Европы», «Русского Богатства», «Ежемесячного журнала», «Современника», выходить отдельными книгами в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга⁴. На страницах «Литературного наследия» публикуется его переписка с М. Горьким, охотно в эти годы предоставлявшим произведениям Войтинского место на страницах редактировавшихся им изданий⁵.

Авторы заметки о Войтинском в энциклопедии «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года» всего лишь констатируют факт продолжения тем научной деятельности в годы заключения и ссылки, никак не конкретизируя и ничем не подтверждая его⁶. И только Г.И. Чернявский в своей обстоятельной вступительной статье, предвещающей публикацию воспоминаний В.С. Войтинского, несколько раздвигает рамки сложившихся представлений о творческой активности его в сибирский период: «Написанная в ссылке работа “Рабочий рынок в Сибири во время войны” знаменовала собой подход к той исследовательской области — экономических и социальных проблем трудовых отношений, — которой Войтинскому суждено будет плодотворно заниматься в будущем в течение более чем трех десятилетий»⁷. Хотя совершенно неоправданно, при этом, относит к числу журналистских работу Войтинского над книгой «Евреи в Иркутске» — свидетельство не просто возвращения к научным занятиям, но и изменения его научных приоритетов, взглядов на методологию экономического анализа.

Выход В.С. Войтинского на поселение и практически немедленно за тем последовавшее возобновление им научных занятий совпало с «оттепелью», наступившей в общественно-политической жизни региона после назначения генерал-губернатором Л.М. Князева, пользовавшегося репутацией весьма гуманного

и либерального администратора. «...Князев — человек справедливый, корректный и ненавидящий все, что отзывается жандармским крючкотворством и полицейским озорством»⁸, — писал Войтинский в октябре 1915 г. М. Горькому.

Назначение нового генерал-губернатора не замедлило отразиться как на общественной атмосфере в целом (новым языком заговорили газеты, активизировали свою деятельность уже существовавшие, а также возникли новые общественные организации и культурно-просветительные общества), так и на положении политической ссылки. Либерализация коснулась создания и издания социал-демократической ссылкой периодических изданий, журналистской и публицистической активности, возможности, в известных пределах, участия в деятельности общественных, в том числе научных организаций. Пределах, устанавливавшихся скорее политическими пристрастиями членов, главным образом, руководства этих организаций, нежели распоряжениями надзирающих органов или губернской администрации.

Одним из зримых результатов «послабления политическим и евреям» (в чем на протяжении всего недолгого пребывания на высоком посту будут обвинять Л.М. Князева) стал выход в свет уникального не только по меркам губернии, но и страны в целом, издания «Евреи в Иркутске».

Роль «журналиста» В.С. Войтинского в создании этого труда даже современными исследователями, уже не связанными «обетом молчания», неоправданно сводится лишь к «литературной обработке» и «подготовке к изданию» текста, на протяжении ряда лет создававшегося коллективными усилиями еврейской общины города⁹. Между тем, в предпосланном тексту книги вступлении «От издателей», наряду с упоминанием факта передачи в 1913 г. в распоряжение *авторов* — В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна — *материалов*, собранных «кружком» заинтересованных лиц, содержится свидетельство исследовательского характера осуществленной последними работы: «Вл.С. Войтинским и А.Я. Горнштейном был предложен более широкий план исследования, охватывающий наряду с историей общины и ее учреждений, также и юридическое и экономическое положение евреев в Иркутске и их влияние на местную общественную

жизнь. Этот план встретил сочувствие со стороны лиц, заинтересованных в задуманном издании»¹⁰.

Безусловно, ключевым разделом книги стала третья глава первой ее части, написанной В.С. Войтинским, посвященная характеристике хозяйственной деятельности иркутских евреев. Однако наибольший интерес вызывает первый параграф этой главы, как самим фактом обращения в сочинении данного рода к «методам выяснения роли евреев в хозяйственной жизни», так и демонстрируемым им связью с предшествующим увлечением автора проблемами метода политико-экономической науки. Знакомство с его содержанием не оставляет сомнений в отказе автора от прежних своих взглядов на пути построения последней, дающей «реалистическое объяснение действительности», да в утрате им интереса к теоретико-методологическим проблемам экономической науки в целом.

Одну из главных причин кризиса в экономической науке Войтинский в своей юношеской работе увидел в отсутствии «правильного метода», который, на его взгляд, следовало искать на путях синтеза «историзма» и «психологизма», создания «историко-психологического метода», дающего «возможность разрешить те теоретические социально-экономические проблемы, над разрешением которых бесплодно бьется экономическая мысль»¹¹. Наиболее удачную попытку подобного синтеза он усмотрел в исследованиях В. Зомбарта, идеи которого попытался развить путем раскрытия историко-психологических предпосылок, определяющих мотивы поступков людей в их хозяйственной жизни, «на которых должна быть построена политическая экономия, претендующая на правильное объяснение явлений»¹².

Тем любопытнее обнаружить на страницах иркутского издания критику «генетического» метода В. Зомбарта, оперирующего понятиями «еврейский дух», «специфический дух евреев», как неотъемлемыми элементами системы хозяйственной мотивации рождающейся капиталистической экономики. «...Ни один мудрец мира не определил до сих пор сущности этого “духа”, носителями которого в истории культуры явились Пророки и Маркс, Спиноза и Гейне, никто еще не дал формулы этого “духа”, к числу “продуктов” которого исследователи относят вексель и монотеизм, биржу и учение современного социализма»¹³. Вой-

тинский отказывает подобному «методу» в научности в силу отсутствия определенности и ясности выводов, к которым можно прийти благодаря его использованию. Таковыми достоинствами обладает лишь статистический метод, ибо, применяя его «мы оперируем с величинами так или иначе измеренными и сосчитанными. Мы сравниваем явления, которые, по своей однородности, поддаются сравнению. Сообразно этому и наши выводы должны носить на себе печать определенности, ясности. И поэтому именно статистический метод является научным методом по преимуществу»¹⁴.

Заповедником использования «генетического» метода в экономическом анализе должны остаться лишь те стороны хозяйственной жизни, которые не могут быть освещены с помощью цифр — исторический параграф упомянутой главы носит в силу этого заглавие «Евреи как носители капиталистического духа при колонизации Иркутской губернии». Все остальные, ставшие ареной применения метода статистического, даже свои названия получили в соответствии с источником статистической информации, на основании которой они написаны: «Хозяйственная деятельность евреев в Иркутской губернии по переписи 1897 г.», «Еврейская недвижимая собственность в Иркутске (по данным Казенной палаты)», «Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске по сведениям Управы о выбираемых свидетельствах», «Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске по сведениям податной инспекции»... Автору даже приходится просить у будущего читателя снисхождения «за обилие цифр и таблиц и за сухость изложения» — цену, которую следует платить за ясность и определенность выводов экономического исследования.

Первая мировая война, задержавшая выход в свет книги «Евреи в Иркутске», положила начало новому исследовательскому проекту, результатом которого стала книга, называемая Г.И. Чернявским «Рабочий рынок в Сибири во время войны» (и приводящим в примечаниях ее выходные данные — Иркутск, 1917), а В. Станкой — «Заработная плата во время войны»¹⁵. Столь серьезные разночтения, думается, не случайны. Нам не удалось обнаружить книг Войтинского с такими названиями в крупнейших книгохранилищах Иркутска, Москвы и Санкт-Петербурга. Не значатся они и в «Сводном каталоге сибирской и дальневосточ-

ной книги. 1790–1917» (Новосибирск, 2004–2005), что, впрочем, не может служить достаточным основанием для вывода об их отсутствии на территории страны или невозможности их последующего обнаружения в каком-либо из архивов или библиотек. Только по ходу работы над данной статьей автором выявлено три издания Иркутского комитета Всероссийского союза городов, под эгидой которого осуществлялось интересующий нас исследовательский проект, не учтенных этим библиографическим указателем. Куда более серьезные сомнения в издании «обширного исследования» (В. Станка) с таким названием порождают материалы архивных фондов и публикации в периодике тех лет, позволяющие, одновременно, реконструировать основные этапы реализации проекта, выявить цели и задачи, им преследовавшиеся и, отчасти, полученные результаты.

Социальной историей науки давно и верно подмечено, что в периоды острых общественных кризисов, вызванных войной, масштабными политическими или экономическими потрясениями, научные исследования (и экономическая наука здесь не исключение) неизбежно выходят за узкие рамки внутринаучных проблем, ориентируются на решение задач, стоящих перед обществом, начинают носить преимущественно прикладной характер. Переживаемый Россией период, «требующий высшего напряжения сил для решения множества поднявшихся отовсюду вопросов», начавшись, по мнению В.С. Войтинского, много раньше разрыва дипломатических отношений между Россией и Германией. «Задолго до начала войны созрели в нашей государственной и общественной жизни вопросы, настойчиво требующие скорейшего разрешения. В этих вопросах — истинная жизнь страны. В правильном разрешении их — залог развития России, залог движения вперед»¹⁶. Война, проникнув во все сферы общественной жизни, создав новую конфигурацию общественных сил (немыслимую в мирное время), «поставила на очередь новые задачи, дала новый оборот, новую остроту задачам, ранее стоявшим на очереди, подготовила новые условия для их разрешения». В том числе и в далекой от театра боевых действий Сибири, вся хозяйственная и общественная жизнь которой «испытала глубокое потрясение». На повестку дня, поэтому, встала задача — «факелом научного исследования» осветить обостренные войной вопросы¹⁷.

Война, докатившись до далекой окраины страны, востребовала не только журналистские и публицистические, но и экономические дарования Войтинского, оттенила давно уже усвоенную мысль, что цель экономической науки, да и науки вообще, — практическая, прикладная. Благодаря дошедшему и до Восточной Сибири процессу создания местных отделов (комитетов) Всероссийского союза городов — подготовила и область приложения навыков экономического анализа, заставила освоить приемы ремесла экономиста-аналитика.

Отечественная историческая наука многие десятилетия рассматривала возникавшие неправительственные организации — союзы земств и городов, а также родственные им военно-промышленные комитеты — исключительно в качестве «политических объединений русской буржуазии и обуржуазившегося дворянства»¹⁸. Между тем, их появление, помимо прочего, дало импульс развитию неакадемической деятельности отечественных экономистов, их привлечению к работе в качестве экспертов. Членами экономического отдела и совета того же Всероссийского союза городов или просто участниками работ последнего стали В.Г. Громан, Л.Б. Кафенгауз, Л.Н. Литошенко, П.П. Маслов, А.В. Чайнов, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников, Р.М. Орженцкий и др. Спрос на экономическую и социальную статистику со стороны как государства, так и полугосударственных и общественных организаций, породил немало количественных, статистических исследований, выполненных на самых различных уровнях, в том числе и региональном.

В отличие от аналогичных отделений в европейской части страны, состав которых в большинстве своем дублировал состав земских собраний и городских дум, комитеты восточносибирских городов были более демократичными по своему составу. В них входили представители немногочисленной местной интеллигенции, а нередко и ссыльнопоселенцы, без которых в Сибири, по замечанию того же Войтинского, «не обходится ни одна городская управа, ни одно статистическое отделение, ни одна буржуазная газета, ни одна крупная контора, — вообще ни одно дело, где требуются грамотные и культурные люди»¹⁹.

Поток беженцев, докатившийся до Восточной Сибири, до Иркутска, осенью 1915 г., внес новые моменты в хозяйственную

и общественную жизнь региона и города, выявил несостоятельность органов местного самоуправления в деле решения «беженского вопроса», заставил отделы Всероссийского союза городов играть более заметную роль в организации местной жизни и хозяйства. В августе 1915 г. по инициативе статистической секции местного военно-промышленного комитета при Иркутском комитете Всероссийского союза городов была создана Комиссия бюро труда, главной своей задачей поставившая регистрацию спроса и предложения на труд в г. Иркутске и губернии. В ходе такой регистрации осуществлялся и поверхностный анализ «спроса» — половозрастной и профессиональной структуры рабочей силы, уровня грамотности, семейного и национального состава, и «предложения» труда, касавшийся самых общих параметров «найма» — его половозрастной и профессиональной структуры, условий оплаты, проживания и питания²⁰.

Двумя месяцами позднее к комиссии бюро труда присоединилась трудовая комиссия, ставшая отнюдь не только одним из двух подразделов возникшего в результате объединения Отдела трудовой помощи (трудового отдела). Она стала и рассадником инакомыслия в местном комитете союза городов, превратив отдел в его «демократическое, левое крыло», и генератором новых научных и научно-организационных идей, направивших работу по совершенно новому руслу.

Неформальный (в силу принадлежности к числу лиц, ограниченных по суду в правах) лидер и руководитель трудовой комиссии В.С. Войтинский уже в своем докладе на совещании по вопросам призрения беженцев, состоявшемся в Иркутске 21–23 ноября 1915 г., подверг критике деятельность смежного подразделения. Не столько, однако, за невысокую эффективность помощи беженцам путем «приискания мест» их трудоустройства, сколько за «ошибочность взглядов», положенных в основание его деятельности в целом. Более того, указал на опасность, таящуюся в увлечении подобным способом трудовой помощи беженцам.

Биржи и бюро труда, получившие широкое распространение на всей территории страны, по убеждению В.С. Войтинского, являлись всего лишь специфическим средством смягчения текущей безработицы, неотъемлемого атрибута сложившегося рынка труда. «При попытке втиснуть через бюро труда беженскую мас-

су в наличный рабочий рынок общественная организация рискует сделать непоправимое зло и еще более усилить наблюдаемую в стране хозяйственную разруху. Можно направить деятельность бюро так, что через посредство их беженский дешевый труд будет вытеснять труд местных рабочих. . . . Бюро труда будет давать в таком случае блестящие, на первый взгляд, результаты. Но конечным результатом такой политики явится рост безработицы среди местных рабочих. Не избавившись от бедствия беженства, общество сталкивается с новым не менее острым бедствием — безработицей. В то же время общие условия труда в городе претерпят изменение к худшему. Сократится заработная плата, что особенно нежелательно при наблюдаемом росте дороговизны. Увеличится продолжительность рабочего времени, что приведет к сокращению числа занятых рабочих и, следовательно, к дальнейшему увеличению безработицы»²¹.

При лечении «острого расстройтва рабочего рынка», по природе своей отличающегося от текучей безработицы, с каковым, вне всякого сомнения, пришлось столкнуться городскому хозяйству, не приходится уповать и на возможности местных мастерских, считал Войтинский²², явно имея в виду цели и результаты, осуществленного летом 1915 г. Иркутским комитетом союза городов обследования мастерских города. Распространенная последним анкета предполагала по существу выяснение единственного вопроса — о потенциальных, исходя из наличного оборудования, объемах их производства. Имея в виду, что выбывшие из-за войны «технические силы» — мобилизованные инженеры, техники, мастера, мастеровые и рабочие — легко будут восполнены за счет прибывающих в город беженцев²³. Может быть, полезные и востребованные в других целях (например, размещения военных заказов), результаты обследования оказались малопригодны с точки зрения трудовой помощи беженцам — на рабочий рынок города войной была выброшена масса малоквалифицированного труда, в большинстве своем крестьян.

Крайне отрицательно при этом относился В.С. Войтинский к доводам и практическим шагам сторонников перенаправления потока беженцев в сельскую местность, полагавших, что обезлюдевшая деревня обладала гораздо большей, нежели город, «емкостью» для их размещения и трудоустройства, и «эвакуа-

ция» беженцев в деревню пойдет на пользу последней, повысив производительность сибирского сельского хозяйства. Попытки «приспособить беженцев к нуждам сибирского сельского хозяйства», — писал он в специально посвященной этой проблеме и подвергшейся значительным цензурным изъятиям статье, — обречены на неудачу из-за незнания, непонимания экономической природы последнего. «Как известно, в Сибири нет крупного землевладения, нет ни помещиков, ни обширных сельскохозяйственных экономий. Земля здесь в изобилии, хозяйство ведется экстенсивное. Хозяйственной единицей является крестьянская семья, в случае надобности нанимающая одного—двух работников на подмогу. Такое хозяйство представляет собою весьма плохой рабочий рынок. Только капиталистически организованное хозяйство, обладающее необходимой эластичностью, способностью расширяться и сжиматься, может поглощать большие количества внезапно выбрасываемой на рынок рабочей силы. Только капиталистическое хозяйство, разлагающее производственный процесс на ряд простейших технических операций и отделяющее организаторские функции от простого труда, может использовать для своих нужд силы случайных, пришлых рабочих»²⁴.

При организации трудовой помощи беженцам на смену явно недостаточным, да и чреватым негативными последствиями, мерам по насыщению уже сложившегося рынка труда, должны, на взгляд В.С. Войтинского, прийти мероприятия, направленные в сторону «расширения рабочего рынка в соответствии с особенностями предлагаемого беженской массой труда». К числу таких он относил, прежде всего, организацию общественных работ, являющихся действенным средством лечения острого расстройства рынка труда. Только государство, органы местного самоуправления могут и должны выступить в качестве «крупных работодателей» — организаторов общественных работ, способных поглотить массу неквалифицированного труда в тот момент, когда неурядицы на рынке труда грозят превратиться в общественное бедствие. «И эти общественные работы не придумываются, не создаются, а только переносятся во времени. С частно-коммерческой точки зрения такое перенесение работ почти всегда сопряжено с большими или меньшими неудобствами, а иногда и с убытками. Приходится прибегать к займу при неблагоприят-

ном положении рынка, приходится выходить из смет, приходится напрягать все личные силы. Но ценой этих жертв государство и города избавляются от бедствий, которыми грозит обществу острая безработица. Технически несложные — земляные, дорожные и т.п. работы при достаточной энергии могут быть налажены и пушены в ход в сравнительно короткий срок»²⁵.

Совещание по вопросам призрения беженцев, как и состоявшийся в апреле следующего, 1916 г. Первый областной съезд представителей городов Восточной Сибири, участником которого В.С. Войтинский стал в составе крайне немногочисленной, но весьма активной «демократической группы»²⁶, немало способствовали появлению новых тенденций в работе отдела трудовой помощи, иркутского комитета в целом. Носящим «несколько академический характер» назвал доклад, представленный отделом на съезде, обозреватель «Известий Всероссийского союза городов»²⁷. Фактически развернутым планом предстоящих исследовательских работ выглядели пункты резолюции, включенные по настоянию «демократической группы» в итоговые документы съезда. Выработка планов работ местными отделениями союза в социально-экономической сфере ставилась в них в прямую зависимость от «полного и точного знания рынков, изучение которых должно быть специализировано и поставлено на солидных основаниях». Первоочередной задачей провозглашалась активизация статистических работ: осуществление переписей городского населения, исчисление потребительской емкости городов, изучение сельскохозяйственных рынков и т.д. Для выработки однообразной программы таковых было рекомендовано созвать «сибирское совещание статистиков и экономистов»²⁸.

Не дожидаясь появления подобной программы, трудовой отдел Иркутского комитета союза городов инициировал изучение одного из таких специализированных рынков — рабочего рынка города Иркутска. Печатный орган Всероссийского союза городов достаточно оперативно откликнулся на эту инициативу, выходящую далеко за рамки привычных, рутинных функций бюро и бирж труда российских городов, выступавших посредниками между рабочими и работодателями и выяснявших условия спроса и предложения рабочей силы. Иркутское же бюро труда, не оставляя текущих работ, «взяло на себя обследование, путем ре-

гистрации, емкости иркутского рабочего рынка и условий труда, в зависимости от военных событий»²⁹. Особо подчеркивался факт поддержки данного начинания со стороны Иркутского биржевого комитета, общества приказчиков, ряда других профессиональных союзов города, заинтересованных в проведении подобного рода исследования.

Разработанный отделом опросный лист, включавший 29 вопросов, был нацелен на выяснение условий труда занятых на предприятии работников: продолжительности их рабочего дня, времени начала и окончания работы, наличия и продолжительности обеденного перерыва, сверхурочных работ и условий их оплаты, работы в праздничные дни и в ночное время суток. Не были обойдены вниманием специфические категории рабочих и служащих: представители «желтой расы», военнопленные, ссыльнопоселенцы и беженцы. Опрашивавших интересовало не только их количество, но и существование отличий в условиях их труда. Особый интерес был проявлен к оплате труда, начиная от наличия расчетной книжки и форм оплаты и завершая размерами последней. Ответы на последний вопрос предусматривали дифференциацию рабочих и служащих по полу и возрасту, специальности, с выделением в отдельные категории детей и подростков. Именно в этом блоке вопросов в большей мере проявлялся интерес к изменениям, произошедшим за годы войны: увеличилась или нет заработная плата, и было ли это повышение ограничено периодом войны. В полном смысле кульминацией опросного листа было выяснение диапазона фактического размера почасового и месячного заработка различных категорий рабочих и служащих, условий оплаты их питания и проживания³⁰.

Обследование, осуществлявшееся на исходе весны и летом 1916 г., охватило практически все существовавшие в Иркутске предприятия промышленности, торговли, транспорта, строительства, сферы обслуживания и т.д., выяснив условия труда более 15 тыс. занятых на них рабочих и служащих. Вне обследования остались лишь правительственные и просветительные учреждения, а также лица, занятые частнослужебным трудом. Обработка собранных материалов и составление на их основе книги, получившей название «Рабочий рынок г. Иркутска во время войны», были поручены В.С. Войтинскому. Исследователь

справился с поставленной перед ним задачей в сжатые сроки. В середине сентября на специально созванном совещании он поз-накомил собравшихся с ходом работы и планом будущей книги, а уже на исходе ноября представил рукопись на суд членов президиума бюро труда при Иркутском комитете союза городов. Последние разошлись в оценках проделанной автором работы и, не согласившись с рядом сделанных им выводов, настояли на проведении публичного обсуждения его доклада с участием помимо членов отдела труда еще и представителей исполнительного бюро организации.

Насколько позволяет судить газетный отчет, дискуссия, развернувшаяся после доклада В.С. Войтинского, практически не коснулась ключевых вопросов, поднятых исследованием. Острые критики областнически настроенных оппонентов и, прежде всего, члена исполнительного бюро местного комитета союза городов, любителя местной истории и статистика И.И. Серебренникова (1882–1953), было направлено против прозвучавшего в докладе вывода о перемещении центра тяжести в хозяйственном развитии Иркутска, в превращении его в преимущественно потребительный, а не производительный центр³¹.

Остроту развернувшейся полемики придавала начавшаяся публикация на страницах газеты «Сибирь» серии статей В.С. Войтинского, объединенных общим названием «Экономические очерки» (см. настоящее издание) и доводивших этот вывод до сведения куда более широкой аудитории, нежели та, на которую было рассчитано издание книги, содержащей результаты специального исследования. В увидевших свет, соответственно 17 и 30 ноября, первых двух очерках — «Две половины рабочего рынка Иркутска» и «Хозяйственная жизнь Иркутска 19 лет тому назад и теперь» — исследователь попытался взглянуть на вектор хозяйственной эволюции города сквозь призму меняющейся структуры занятости его рабочего населения. Сопоставив результаты осуществленного в 1916 г. бюро труда обследования рабочего рынка с материалами переписи 1897 г., автор заключает: «Иркутск растет и развивается не как промышленный, а как торговый и административно-транспортный центр. В силу ряда условий здесь сложился значительный и непрерывно увеличивающийся центр потребления. Отсюда — развитие местной торговли. Промыш-

ленность же в Иркутске является, по-видимому, не фактором, не движущей силой развития города, а результатом его развития»³².

Именно этот вывод вызвал гневную отповедь И.И. Серебренникова не только в ходе уже упоминавшегося обсуждения доклада, но и на газетных страницах. «Сибирь» публикует развернутый отклик на статьи Войтинского, в котором он усматривает причину заблуждений последнего в «небрежном отношении» к статистическому материалу и злоупотреблении «приблизительными», «округленными» величинами³³. Касаясь в своем ответе последнего замечания, В.С. Войтинский вынужден напоминать критику азы экономической и статистической методологии: «Прав И. Серебренников, говоря о недопустимости в *статистике* всяких «предположим» и «прикинем». Но не прав, думая, что *приблизительные* подсчеты вообще *никогда* не допустимы. Они недопустимы в *статистике*, где все подсчеты должны оставаться скованы строгими правилами арифметики. Но статистика дает нам лишь материал, лишь некоторые вехи для дальнейшей логической работы. И при работе над статистическими данными мы должны помнить, что *точные* цифры статистики часто весьма *приблизительны* в действительности, ибо *приблизительны* те первичные данные, на которых они построены. Одно из методических правил работы над цифрами — не претендовать на то, чтобы выводы были более точны, чем лежащий в основании их первичный материал (курсив В.С. Войтинского. — *Д.М.*)»³⁴. Искусно обыгрывая фразы из статьи оппонента, он указывает на истинную причину появления высказанных тем возражений — нежелание признать и принять изменения, происходящие в хозяйственной жизни города, живучесть сложившихся обывательских представлений об экономической эволюции. Помощь в избавлении от которых — одна из причин, побудивших его познакомить широкий круг читателей с результатами обследования с помощью «Экономических очерков».

И.И. Серебренников, как в первой, так и в последовавшей вскоре за ней второй статье, настойчиво уводил дискуссию прочь от существа вопроса в плоскость «терминов» и «классификаций». Подобный способ ведения полемики позволял занять исключительно выгодную позицию критика, пользующегося отсутствием единодушия в толковании таковых в статистической науке и уязви-

мостью используемых на практике. При этом, однако, он открыто проигнорировал классификацию предприятий, использованную В.С. Войтинским в ходе обработки собранных в 1916 г. материалов, заявив, что «самостоятельно... принятая автором классификация предприятий меня, конечно, интересует мало...»³⁵.

Поэтому отнюдь не случайно свой третий очерк Войтинский посвятил почти исключительно классификации предприятий, обнаруженных обследованием в иркутской промышленности, чтобы уже с ее помощью, на основании положенных в ее основание критериев, сделать более очевидным, понятным и аргументированным свой вывод. А в своеобразном *post scriptum*'е к статье фактически заявил о прекращении бесплодной, на его взгляд, дискуссии: «...я не считаю неотложным делом подробно отвечать И. Серебренникову. Я позволю себе продолжить свою положительную аргументацию по вопросу о хозяйственной жизни Иркутска. Полагаю, что это будет поучительней, чем продолжать словесный поединок, в результате которого, на лучший конец, обыватель выяснит себе, кто из полемистов лучше владеет статистикой, но не выяснит себе существа вопроса, по которому идет спор»³⁶.

В.С. Войтинский сдержал слово, спустя десять дней опубликовав на страницах газеты очередной очерк «Сколько стоит рубль в Иркутске?», в котором познакомил читателя с еще одной проблемой, затронутой на страницах книги: «Изучая явления иркутского рабочего рынка я пытался на основании справочных цен ирк[утской] гор[одской] управы выяснить, насколько изменилась за 2 года войны покупательная сила рубля в руках иркутского обывателя»³⁷, прежде всего живущего наемным трудом рабочего. Выводы, к которым автор пришел на основании своих статистических наблюдений и которые должны были найти отражение в книге в виде красочно выполненных диаграмм, на газетных страницах смотрелись не менее впечатляюще: «За 2 года войны реальная ценность рубля иркутского обывателя упала на половину. Рубль стал полтинником... За 7 месяцев третьего года войны деньги вновь обесценились. *Рубль стал четвертаком с небольшим* (курсив В.С. Войтинского. — Д.М.)»³⁸.

Несмотря на то, что после названия очерка в газетной публикации значится римская цифра один, предполагающая появле-

ние последующих его частей, продолжения не последовало. События февраля 1917, докатившись до Иркутска, вовлекли в свой круговорот и В.С. Войтинского³⁹. А уже 14 марта газета «Сибирь» в заметке «Прощание» сообщила, что накануне «иркутяне попрощались с деятелями революции в Иркутске», направляющимися в столицу. Среди них был и член иркутской группы партии социал-демократов В.С. Войтинский⁴⁰. Впрочем, та же газета донесла до нас информацию еще об одном событии, произошедшем в промежуток времени между появлением последней газетной статьи и отъездом ее автора из Иркутска. В помещении Иркутского комитета союза городов состоялось очередное, думается последнее с участием автора, «совещание сведущих лиц для рассмотрения составленной книги “Рабочий рынок Иркутска во время войны”»⁴¹.

Проведение совещания с подобной «повесткой дня» на исходе февраля тем удивительней, что в третьем своем очерке Войтинский именует книгу «печатающейся» — факт, подтверждающийся выделением средств трудовому отделу для оплаты счета типографии В.М. Посохина еще 1 февраля 1917 г.⁴² Едва ли не единственное возможное объяснение тому — значительный объем рукописи. Содержащая значительное количество цифрового материала и таблиц работа достаточно медленно, по главам, читалась «сведущими лицами», выносившими на суд автора свои замечания, и также по главам передавалась в типографию для набора и печати. Подтверждением тому служит сохранившаяся машинописная копия (отпуск) письма Войтинскому, сопровождавшего возвращаемую лишь 21 января 1917 г. рукопись четвертой (последней) главы первой части книги. После вступительных и традиционных в таких случаях слов: «По поручению Председателя Комитета имею честь препроводить при сем Вашу рукопись и замечания к ней, сделанные Президиумом Трудового отдела», следовала сделанная от руки приписка: «полученные от него 20 января»⁴³, явно намекавшая на виновника столь медленного рассмотрения текста.

Письмо доводило до сведения автора и конкретные замечания и предложения. Одно из которых — «устранить цифры среднего заработка всех рабочих (мужчин, женщин и подростков) с. 15, 16, 18 и др., по всем рубрикам, как не представля-

ющие точного размера действительного заработка рабочих той или другой профессии»⁴⁴ — красноречиво свидетельствовало об уровне компетентности «сведущих лиц» в области статистики. Отложившиеся волей случая в архиве диаграммы к первой части книги⁴⁵ не менее красноречиво, впрочем, говорят о критическом восприятии подобных «поправок» автором, не спешившим вносить изменения в текст. Среди диаграмм, вынесенных в приложение к работе, свое законное место заняли сводящие воедино и наглядно демонстрирующие читателю «средний месячный заработок мужчин, женщин и детей», занятых в промышленных, торговых и прочих предприятиях города. Не будет ошибкой предположить: не менее придирчивому и «квалифицированному» разбору были подвергнуты главы и второй части, что не могло не задержать выхода книги в свет.

Профессионально, с большой изобретательностью составленные В.С. Войтинским и выполненные в цвете диаграммы вместе с опубликованными в газете очерками и содержанием опросного листа позволяют составить общее представление о структуре книги и ряде полученных в ходе обследования результатов. Книга состояла из двух частей. Введение к первой из них знакомило читателя (с целью последующих сопоставлений) со сведениями об относительной численности «самостоятельных лиц в различных группах занятий в г. Иркутске по переписи 1897 г.», использованными автором и при составлении им первого своего «экономического очерка». Материал первой части был разбит на четыре главы, посвященные соответственно промышленности, торговле, транспорту и прочим отраслям приложения труда горожан. Каждая из глав, в свою очередь, включала параграфы, сводящие воедино сведения, полученные в ходе опроса, начиная от численности и состава рабочих и служащих, занятых в каждой из четырех «областей рабочего рынка», и завершая уже упоминавшимися показателями их среднемесячного заработка.

Значительный интерес, безусловно, представляла осуществленная В.С. Войтинским «классификация» предприятий в рамках четырех выделенных им групп отраслей, лишь с одной из которых — промышленные, ремесленные и кустарные предприятия — он познакомил читателей с помощью газетных публикаций. Не менее спорной была, по всей видимости, и та, что отно-

сила к торговой отрасли помимо мануфактурно-галантерейных магазинов, магазинов готового платья, обуви и разнообразных продуктовых лавок и лабазов еще и рестораны со столовыми, а также банки и потребительские общества. Однако исследователь считал, что любая классификация носит условный характер, в силу чего должна рассматриваться с точки зрения ее полезности для нужд науки, удовлетворять основному требованию последней — простоты и ясности представления полученных исследованием результатов. И благодаря выделению, например в промышленности 40, а в торговле 16 «подгрупп» предприятий, ему удалось нарисовать не усредненную, а детальную картину использования в них труда ссыльных, беженцев, военнопленных и «желтых» рабочих, труда мужчин, женщин, подростков и детей или их «квартирного и харчевого довольствия».

Упомянутые классификации Войтинский использовал, чтобы продемонстрировать повышение заработной платы занятых в различных частях иркутского рабочего рынка на фоне вздорожания предметов потребления (мяса, рыбы, хлеба, тканей, обуви, мыла, спичек, дров и керосина) за два года войны. Не довольствуясь средними показателями роста денежной заработной платы и цен, а также снижения реальной заработной платы, он формулирует и иллюстрирует вывод о «кажущемся повышении и действительном понижении заработной платы» различных категорий рабочих и служащих за этот период. Приняв довоенный уровень заработной платы за 100%, исследователь рассчитывает «величину нынешней реальной заработной платы в %%% платы, существовавшей до войны» — 64,5% в промышленности, 61% в торговле, 66% на транспорте и 74% в прочих областях приложения труда. В Заключении к первой части своей книги автор не просто сводит полученные результаты воедино, но и сравнивает отдельные части рабочего рынка между собой с точки зрения состава рабочей силы, продолжительности рабочего дня, размеров заработной платы и тех изменений, что произошли в ней за два года войны.

Можно предположить, что во второй части труда объектом исследовательского внимания В.С. Войтинского стали уже не «области рабочего рынка» города и их структура, а отдельные отраслевые «подгруппы» предприятий. Косвенным, но весьма убедительным подтверждением тому является обнаруженный

среди заполненных опросных листов фрагмент рукописи, посвященный портновским мастерским, составлявшим пятую «подгруппу» третьей группы — «обработка тканей» — промышленных предприятий. В нем в полном соответствии с опросным листом представлены таблицы, сводящие воедино сведения по 57 подвергнутым обследованию предприятиям со 137 занятыми на них работниками. Помимо абсолютных данных, установленных обследованием, в таблицах приводятся рассчитанные автором показатели доли мастерских, использующих наемную рабочую силу, применяющих женский и детский труд, труд ссыльных и военнопленных, а также средней продолжительности рабочего дня и др. Каждая такая таблица сопровождается авторским комментарием, подобным тому, который касается заработной платы лиц портновской профессии: «В этой таблице, прежде всего, бросается в глаза весьма низкая оплата женского труда по сравнению с мужским и значительное число учеников, не получающих платы»⁴⁶.

Кроме того, текст обнаруживает хорошее знание автором ситуации в данном сегменте рынка труда, привлечение им к анализу и интерпретации данных обследования информации, источником которой могли быть профессиональные союзы: «Из обследования видно, что положение рабочих портновской промышленности оставляет желать лучшего. В то время, когда в других отраслях промышленности зараб[отная] плата повышалась во время войны на 50-100%, в портновской такое повышение было зарегистрировано только в 4 маст[ерских] с 22 рабочими. В феврале этого года портные-рабочие подали прошение Ирк[утскому] Генер[ал] Губернатору, в котором просят его “войти с представлением к военным властям о запрещении пользоваться трудом военнопленных и низших чинов в Военной портновской мастерской и в других частных мастерских во вред рабочим-портным”. В прошении говорится, что дороговизна жизни и материалов лишила портновские мастерские штатских заказов, в то время как заказы военные фактически отошли от иркутских портных в военную мастерскую, и работают главн[ым] обр[азом] военнопленные и военные. Дальше говорится: “Необходимо принять во внимание, что предпринимат[ели]-портные, зная, что мы обречены на безработицу, понижают расценки и делают наше положение совершен-

но невыносимым”. На это ходатайство портных-рабочих перед высшими властями края до сих пор ответа не последовало»⁴⁷.

К середине июля 1917 г. типографией было отпечатано 15 из 25 листов книги. Дальнейшая работа по набору и печати книги была приостановлена из-за отсутствия средств: местный комитет союза городов изыскал лишь 500 р. — менее пятой части необходимой суммы⁴⁸. Секция по охране труда статистического отдела Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска (членом которого он был до своего отъезда из города), заинтересованная судьбой книги, на свой запрос о возможных сроках ее выхода в свет и причинах задержки получила от комитета весьма лаконичный ответ, фактически поставивший точку в переписке об издании книги В.С. Войтинского: «печатание книги приостановилось за отсутствием необходимых средств у Комитета. Просьба к городскому самоуправлению с таковым отклонена. Из Центрального комитета, куда Иркутский комитет обращался за поддержкой, ответа никакого нет»⁴⁹.

Так и не увидевшей, по всей вероятности, свет книге В.С. Войтинского «Рабочий рынок г. Иркутска во время войны», суждено было, тем не менее, сыграть важную роль в его дальнейшей интеллектуальной биографии. Работа стала первой в ряду изданных уже за рубежом эмпирических исследований, посвященных актуальным проблемам экономической и социальной политики и, прежде всего, касающихся рынка труда — занятости, заработной платы, социального обеспечения. Окажется востребованной и сформулированная в далекой Сибири идея общественных работ как действенного средства в борьбе с острыми его расстройствами. Продолжит он свою деятельность экономического журналиста, откликаясь на страницах журналов и газет на животрепещущие проблемы экономики, встававшие на повестку дня в преддверии, в ходе и по окончании уже Второй мировой войны.

Хотя автор статьи о Владимире Савельевиче Войтинском в четырехтомном словаре экономической теории «Новый Полгрейв» и назовет недолговечной, эфемерной основную профессиональную его продукцию, и вышедшей из научной моды форму публикаций, работы ученого стали неотъемлемой частью истории мировой экономической науки. Быть может не столько своим со-

держанием, сколько тем, что несут на себе отпечаток эпохи, «этого ужасного столетия» и личности их автора — «интеллектуала с социальной совестью»⁵⁰. Свое место в этой истории должны занять труды и сибирского периода его жизни и деятельности.

Примечания

¹ См.: Покидченко М.Г., Чаплыгина И.Г. История экономических учений: учеб. пособие. М., 2005. С. 114.

² См.: Дмитриев А.Л. В.С. Войтинский // Корицкий Э.Б., Нинциева Г.В., Дмитриев А.Л., Шетов В.Х. Экономисты русской эмиграции: учеб. пособие / под общ. ред. Э.Б. Корицкого. СПб., 2000. С. 151–156; Ненароков А. Экономические взгляды В.С. Войтинского // Россия–XXI. 2005. № 6. С. 161–162; и др.

³ См. напр.: Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск, 1984. С. 70–76.

⁴ Ср.: Войтинский, Владимир Савельевич // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1: А–Ж. М., 1929. Ст. 524; Примочкина Н.Н. Войтинский Владимир Савельевич // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь: Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 461–462.

⁵ Горький и журнал «Летопись». Переписка с В.С. Войтинским // Литературное наследство. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М.: Наука, 1988.

⁶ Михайлов Н.В., Розина О.В. Войтинский Владимир Савельевич // Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. Т. 1: А–Д / редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. М., 1994. С. 438.

⁷ Чернявский Г.И. Войтинский и его время // Войтинский В.С. 1917. Год побед и поражений / под. ред. Ю. Фельштинского. М., 1999. С. 7.

⁸ Горький и журнал «Летопись». Переписка с В.С. Войтинским... С. 931.

⁹ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002. С. 11.

¹⁰ Войтинский Вл.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Изд-е хоз. правления Ирк. евр. молитвенного дома и Ирк. отд. общ-ва распротр. просв. между евреями в России, 1915. С. VI.

¹¹ Войтинский Вл. Рынок и цены. Теория потребления, рынка и рыночных цен / с пред. М.И. Туган-Барановского. СПб., 1906. С. 5–6.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Войтинский Вл.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске... С. 83.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Станка Владас. В.С. Войтинский. Памяти друга // Новый журнал (Нью-Йорк). 1960. Кн. 61. С. 240.

¹⁶ И. Новицкий [Войтинский В.С.]. Наши задачи // Сибирский журнал (Иркутск). 1914. № 1. Ст. 1.

¹⁷ Там же. Ст. 2.

¹⁸ Погребинский А.П. К истории союза земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки / отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1941. № 12. С. 51.

¹⁹ Войтинский Вл. Областной сибирский съезд // Летопись. 1916. № 5. С. 226–227.

²⁰ Подробнее см.: Отчет о деятельности бюро труда Иркутского комитета Всероссийского союза городов с 22-го августа по 31-е декабря 1915 г. Иркутск: Пар. тип. И.П. Казанцева, 1916. 44 с. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 216, оп. 1, д. 62). Фонд Иркутского комитета Всероссийского союза городов 1917–1918 гг. (Ф. 751), хранящийся в ГАИО, содержит дела со сводными месячными статистическими бюллетенями спроса и предложения на труд (д. 109–115).

²¹ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И.А. Белоголового, 1916. С. 74.

²² Там же. С. 45.

²³ ГАИО. Ф. 216, оп. 1, д. 9 (Анкеты по обследованию мастерских города Иркутска, 1915 г.). 229 л.

²⁴ Войтинский В. Беженцы и сибирская деревня // Летопись. 1916. № 12. С. 305–306.

²⁵ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев... С. 75–76.

²⁶ В.С. Войтинский посвятил съезду специальную статью, акцентируя внимание читателей на политической стороне этого важного события в общественной жизни региона (см.: Войтинский Вл. Областной сибирский съезд... С. 224–133).

²⁷ Адрианов. Областная Сибирская организация. Первый областной съезд городов Восточной Сибири в Иркутске, 15–19 апреля 1916 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1916 (июнь). № 33. С. 172.

²⁸ Там же. С. 202. См. также: Резолюции, принятые на 1-м областном съезде представителей городов Восточной Сибири: 15–19 апр. 1916 г. в г. Иркутске / Всерос. союз городов. Ирк. обл. ком. Иркутск, 1916. 24 с.

²⁹ Известия Всероссийского союза городов. 1916 (сентябрь). № 36. С. 402; Сибирь. 1916. 17 мая.

³⁰ ГАИО. Ф. 216, оп. 1, д. 23 (Опросные листы по обследованию предприятий города Иркутска, 1916 г.), 292 л.

³¹ Рабочий рынок в Иркутске во время войны // Сибирь. 1916. 8 дек.

³² Войтинский Вл. Хозяйственная жизнь Иркутска 19 лет тому назад и теперь // Там же. 1916. 30 нояб.

³³ Серебренников И. К вопросу о хозяйственной жизни Иркутска // Там же. 1916. 10 дек.

³⁴ Войтинский Вл. К вопросу о хозяйственной жизни Иркутска (Ответ И.И. Серебренникову) // Там же. 1917. 4 янв.

³⁵ Серебренников И. К вопросу о хозяйственной жизни Иркутска (Ответ Вл. Войтинскому) // Там же. 1917. 18 янв. Будет, наверное, неправильно сводить разногласия между участниками дискуссии исключительно к различиям в их политических пристрастиях или взглядах на методологию статистической науки. Опираясь на дневниковые записи И.И. Серебренникова, сделанные в это время, не будет ошибкой предположить наличие здесь элементов научной конкуренции, борьбы за приоритет в разработке социально-экономических проблем местного хозяйства. Именно во второй половине 1916–начале 1917 г. в дневнике появляются записи, свидетельствующие о появляющемся у него интересе к статистической информации, попадающей в руки благодаря работе в многочисленных общественных организациях. 4 августа 1916 г.: «Единственное, что могут дать ценного для будущего историка архивы этого [Заводского] Совещания, это различного рода доклады о результатах обследования некоторых крупных промышленных предприятий в Сибири. Нужно попытаться все же что-нибудь выкроить из этого Совещания» (ГАИО. Ф. 609, оп. 1, д. 5, л. 101). 20 февраля 1917 г.: «В Заводском Совещании я продолжаю получать интересные анкетные сведения о рабочем составе сибирских промышленных предприятий, работающих на государственную оборону. В марте месяце я возьмусь за обработку этих данных...» (Там же. Д. 7, л. 17-18). 24 февраля 1917 г.: «Работа в Заводском Совещании дает много интересного материала на тему: Сибирская промышленность и война» (Там же. Л. 19). См. также: Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / ред.-сост. Г.С. Андреев, П.К. Конкин, П.А. Новиков. Иркутск, 2008. С. 252, 310. (Публикация дневника вносит многочисленные и не всегда оправданные поправки в стилистику, орфографию и пунктуацию авторского текста).

³⁶ Войтинский Вл. Из чего слагается иркутская промышленность // Там же. 1917. 8 февр. Не только революционные события февраля 1917 г. и возросшая политическая активность иркутской социал-демократии, но и завершившаяся на страницах газеты дискуссия, последнее слово в которой осталось за Войтинским, послужили причиной появления на мартовских страницах дневника Серебренникова весьма нелицеприятной характеристики оппонента: «Войтинский — это неистовый эсдек, литератор на все руки. Человек — крайне ограниченного кругозора и недалекий. От него всегда можно было ждать всяких бестактностей. Среди местной ссылки он тем не менее пользовался большой популярностью» (ГАИО. Ф. 609, оп. 1, д. 7, л. 44; Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. ... С. 321).

³⁷ Войтинский Вл. Сколько стоит рубль в Иркутске? // Сибирь. 1917. 18 февр.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Войтинский В.С. 1917. Год побед и поражений. М., 1999 (Глава первая «В Иркутске»).

⁴⁰ Прощание // Сибирь. 1917. 14 марта.

⁴¹ Хроника. К изданию книги: «Рабочий рынок Иркутска во время войны» // Сибирь. 1917. 23 февр.

⁴² ГАИО. Ф. 751, оп. 1, д. 28, л. 5 (Переписка по печатанию книги Войтинского, январь 1917–август 1917).

⁴³ Там же. Л. 1.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 12–23.

⁴⁶ Там же. Ф. 216, оп. 1, д. 23, л. 130.

⁴⁷ Там же. Л. 132–132об.

⁴⁸ Там же. Ф. 751, оп. 1, д. 28, л. 8–8об.

⁴⁹ Там же. Л. 6–7.

⁵⁰ Newman P. Woytinsky, Wladimir Savelievich // The New Palgrave: a Dictionary of Economics / Ed. By J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. Vol. 4. London; N.Y., 1987. P. 933.